СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА[1]

А.В. Бузгалин

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-7-24

Главная задача статьи состоит в том, чтобы раскрыть понимание собственности в современной классической политической экономии. Показывается, что, в частности, в работах авторов, принадлежащих к постсоветской школе критического марксизма – одному из основных направлений современной классической политико-экономической теории в России, – исследуется в первую очередь специфическое конкретно-историческое содержание отношений собственности. Это содержание раскрывается через систему производственных отношений определенного социума. Показывается, что как частная, так и общественная формы собственности имеют разное социально-экономическое содержание в исторически различных социально-экономических системах – добуржуазных, буржуазной, посткапиталистической. Предлагается политико-экономическая систематизация форм собственности, характерных для современного этапа

© Бузгалин А.В., 2020 г.

Александр Владимирович Бузгалин, д.э.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; Университет Кембриджа, Великобритания; Хайнаньский педагогический университет, Харбинского университет, Пекинский университет, Китай; conf.buzgalin@mail.ru. ORCID 0000-0003-3923-8385

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета на тему «Развитие теории отношений собственности в современном обществе».

экономического развития, который в статье определяется как поздний капитализм. Эти формы включают не только разные виды частной и общественной собственности, но и переходные формы, противоречиво соединяющие частно-капиталистические и ассоциированные формы присвоения. Специально подчеркивается, что общественная собственность не сводима к государственной и включает в себя особый вид отношений – «собственность каждого на все», характерный для сферы сотворчества. Показывается, что в определенных типах экономики государственная собственность может скрывать отношения не только общественного, но и частно-капиталистического присвоения, а также внеэкономического принуждения. Раскрываются противоречия трансформации отношений собственности в условиях позднего капитализма и наиболее актуальные практические проблемы, с этим связанные.

Ключевые слова: собственность, классическая политическая экономия, институционализм, поздний капитализм, марксизм.

Классификация JEL: B51, B52, E60, H82, P14, P16, P26.

Теоретико-экономическое исследование собственности кажется проблемой вечной и потому не относящейся к наиболее актуальным вопросам экономики XXI в. Более того, неоклассическое направление экономической теории вообще относительно мало интересуется вопросами собственности, исходя как из аксиомы из предпосылки, что экономика основана на системе институтов частной собственности и это основание может лишь несколько видоизменяться, не претерпевая качественных трансформаций. Лежащие на периферии этого направления исследования ориентированы по преимуществу на анализ отношений принципала – агента, выделение особенностей разных типов имущества; реже – исследование особенностей государственного сектора, специфики малого бизнеса и, в последнее время, проблемы интеллектуальной собственности. Но при этом государственная собственность в большинстве случаев рассматривается как своего рода «провал» системы отношений частной собственности, а исследование специфики малого бизнеса можно лишь отчасти отнести к рассматриваемой нами проблематике, ибо исследуются, как правило, не особенности отношений собственности в этом секторе, а его бытие в системе рыночных отношений и взаимодействие с государством. Одно из исключений составляет тема нематериальных, неосязаемых активов, к проблеме политико-экономического исследования которых мы вернемся ниже.

Последние, однако, интересуют неоклассическую экономическую теорию преимущественно с точки зрения их оценки, а новый институционализм – спецификации и защиты прав их субъектов, а также трансакционных издержек с этим связанных.

Нас в данной статье эти аспекты – наиболее значимые для бизнес-практик – интересовать не будут. Дело в том, что классическая политическая экономия в целом рассматривает другой круг проблем – не вопросы максимально выгодного осуществления рыночных трансакций и инвестиций (плюс вопросы макроэкономических и институциональных условий для решения этих задач), а проблемы *содержания (противоречий) и качественных трансформаций исторически различных социально-экономических систем*. Именно под этим углом зрения политическая экономия рассматривает и отношения собственности. Так, например, политэконома интересует не вопрос о том, какое предприятие – частное или государственное – более рентабельно, а вопрос о том, какие отношения собственности должны формироваться в государственном секторе с тем, чтобы он реализовывал интересы общества в целом, а не, скажем, олигархически-бюрократической номенклатуры, которой принадлежат основные права собственности на общественное имущество в ряде постсоветских стран. Или вопрос о том, в чем качественное отличие отношений частной собственности в азиатской и капиталистической экономиках (а они качественно отличны, хотя по форме схожи, так же как акула и дельфин); в экономической системе капитализма периферийного типа и в эконо-

миках «ядра» (и здесь отличия весьма глубоки и связаны далеко не только с возрастанием роли интеллектуальной собственности и деривативов)…

Как мы покажем ниже, анализ этих проблем, выглядящих абстрактно-теоретическими, позволяет сформулировать ряд практически весьма актуальных выводов.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФЕНОМЕНА «СОБСТВЕННОСТЬ»

Теоретическое исследование феномена «собственность» в рамках марксистского направления стало особенно интенсивным в советской политико-экономической литературе 1960–1970-х гг. и имело, на первый взгляд, весьма отвлеченный, сугубо академический характер. В центре внимания был вопрос о том, является ли собственность отдельным экономическим отношением или особым «срезом» всей системы социально-экономических отношений (Курс политической экономии, 1974; Шкредов, 1973). Как мы покажем чуть ниже, этот кажущийся схоластическим спор имел значимые теоретические результаты.

Во второй половине 1980-х гг. началась новая дискуссия, в центре внимания которой был вопрос о содержании, преимуществах/недостатках общественной собственности и приватизации. Закончилась эта дискуссия тем, что официально была признана господствующая в рамках неоклассики точка зрения о доказанном преимуществе частной. Материальной базой для этой динамики был процесс разгосударствления, перешедший в 1990-е гг. в массовую приватизацию, результаты которой были в целом официально признаны позитивными. С этого момента дискуссии о социально-экономическом содержании отношений собственности в России отошли на периферию экономической теории, а в странах Запада они там всегда и находились. Исключением стали марксисты Китая, но этот вопрос мы затрагивать не будем. Остановимся на современном понимании этого содержания в рамках постсоветской школы критического марксизма.

Начнем наши размышления с определений, хотя они, как правило, огрубляют диалектичность содержания. Ниже мы будем исходить из того, что на предельно абстрактном уровне собственность может быть определена как объективное отношение между людьми, посредством которого осуществляется присвоение/отчуждение объектов экономической деятельности.

Уточним ряд моментов.

Во-первых, *содержанием собственности является исторически определенная система социально-экономических отношений* (натуральное хозяйство вкупе с внеэкономическим принуждением и личной зависимостью; рынок вкупе с наемным трудом и капиталом как способом, при помощи которого осуществляется присвоение/отчуждение товаров и их стоимости; система отношений планирования вкупе с обобществлением средств производства и ассоциированием производителей (мы во всех трех случаях говорим о теоретических абстракциях определенных способов производства).

Во-вторых, *форма собственности* – это система экономико-волевых отношений, зафиксированная в виде правовых норм (более или менее адекватных как социально-экономическому содержанию, так и экономико-волевой форме) или не имеющая правового оформления, но устойчиво реализуемая в практиках (типичный пример из истории нашей страны – «бизнес по понятиям» (Олейник, 2001)).

Интеграция экономического содержания (например, присвоение и отчуждение, основанные на взаимодействии капитала и наемного труда), экономико-волевой формы (например, частная акционерная фирма) и правовых норм, фиксирующих эти содержание и форму (например, закрытое акционерное общество или «теневик»), и есть собственность.

Это определение останется неясным для ученого, не знакомого с марксистской тео-

рией, и бесполезно для бизнесмена-практика, ибо оно рассматривает содержание, которое невозможно увидеть на поверхности, в обыденной жизни, не воспользовавшись таким «инструментом» познания, как метод научных абстракций (а в идеале – еще более сложным инструментом – методом восхождения от абстрактного к конкретному (Ильенков, 1997)), подобно тому, как невозможно увидеть вирус, не воспользовавшись микроскопом.

Но это определение оказывается сугубо «рабочим» как только речь заходит о теоретическом или практическом решении таких вопросов, как широкомасштабный отказ от использования отношений присвоения, основанного на личной зависимости (например, рабства: в штате Миссисипи соответствующую поправку к Конституции США ратифицировали только в 2013 г.[2], а всего в мире в настоящее время используется труд минимум 12 млн рабов[3]). Или – рассмотрим более актуальный пример – введения в Конституцию (как, например, это сделано в ФРГ) статьи «Собственность обязывает» (ст. 14 Конституции ФРГ), которая существенно ограничивает частного собственника в его правах. Или отказе от интеллектуальной частной собственности хотя бы в такой сфере, как борьба с коронавирусом (соответствующая инициатива Китая на момент написания статьи не была поддержана подавляющим большинством стран «ядра»). Или введение представителей трудового коллектива с правом решающего голоса и даже вето по социальным вопросам в состав Совета директоров корпораций любых форм собственности (практика, существовавшая в ФРГ). Это все вопросы, которые стоят в повестке дня всех тех потенциальных и реальных субъектов экономической политики, кто считает необходимым проведение глубоких социально ориентированных реформ, как условия преодоления глубокого кризиса неолиберальной экономической системы. Я уже не говорю о вопросе о массовой национализации крупных корпораций и банков или тотальной приватизации общественной собственности, что в XX в. было очень частыми практиками.

В качестве небольшого отступления заметим: иные из наших оппонентов упрекнут нас в том, что мы говорим не о науке, а о политике, но мы ответим: политическая экономия потому так и называется, что говорит о теоретических основаниях разных по содержанию типов не только социально-экономических, но и экономико-политических действий. Классическая английская политическая экономия стала одним из теоретических оснований буржуазно-демократических революций и реформ в странах континентальной Европы; реформистская версия марксизма и кейнсианство – глубоких социально-ориентированных реформ в Западной Европе и США в XX в. и т.п.

Кроме того, ниже мы будем рассматривать категории «присвоение» и «отчуждение» в их социофилософском, а не правовом смысле. Понятие «отчуждение» раскрыто, в частности, в серии работ зарубежных и отечественных ученых, обзор которых представлен в статье Л.А. Булавки-Бузгалиной (Булавка-Бузгалина, 2018). Такой взгляд на эти категории отличен как от традиционно сопрягающего первое – присвоение – с присвоением присваивающим того, что ему не принадлежит, а второе – отчуждение – с лишением субъекта, у кого нечто отчуждается, чего-то ему принадлежащего.

[2] 13-я поправка к Конституции США, отменяющей рабство, была ратифицирована в штате Миссисипи только в 2013 г. – через 148 лет после того, как она вступила в силу на большей части территории страны (см.: Миссисипи стал последним американским штатом, официально отменившим рабство // ТАСС. 19 февраля 2013 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/544133. Справедливости ради необходимо отметить, что поправку планировали ратифицировать на 18 лет раньше – в 1995 г., но тогда не были соблюдены все необходимые для этого юридические процедуры, что было обнаружено лишь в 2013 г.

[3] Эти минимальные оценки Международной организации труда приведены в (Crane, 2013). В этой же работе представлены и другие широко цитируемые оценки, по которым число рабов в мировой рабочей силе в настоящее время составляет до 30 млн человек.

Отлично оно и от раскрытия содержания рассматриваемой нами категории через систему прав собственности в работах представителей нового институционализма (Coase, 1992; Demsetz, 1995), хотя сама по себе идея сложной системы прав собственности используется в марксизме для сопряжения теоретического политико-экономического анализа с практиками реальной хозяйственной деятельности, в которой присвоение и отчуждение реализуются при помощи исторически определенной системы институтов.

Для политэконома важное нечто иное: посредством какой системы социально-экономических отношений происходит отчуждение собственности от одних акторов и присвоение ее другими. Так, для нас важно, в чем отличие отношений отчуждения рабочей силы от работника и присвоения ее собственником средства производства в 1) рабовладельческой системе и в 2) капиталистической, а также вопрос о том, 3) происходит ли такое отчуждение (и если да, то в чем его содержание) в рамках кооператива или государственного бюджетного учреждения, создающего на деньги граждан блага, которыми могут безвозмездно пользоваться все граждане (бесплатные медицина, здравоохранение и т.п.). В работах представителей классического и современного марксизма (подробнее о них см. в (Бузгалин и Колганов, 2019b)) показано, что в первом случае происходит присвоение всех человеческих качеств лично зависимого работника посредством отношений насилия. Во втором – присвоение только рабочей силы (и, как следствие, всей создаваемой ей стоимости) лично свободного работника посредством отношений купли-продажи. В третьем содержанием являются отношения ассоциированного (совместного) присвоения средств производства, а рабочая сила (и тем более личность) работника не отчуждается и не приваривается (последнее, кстати, характерно и для деятельности фрилансера); сохраняется лишь форма найма, навязываемая господствующей рыночно-капиталистической системой отношений.

В-третьих, для каждой исторически конкретной экономической системы характерны различные по содержанию и формам отношения собственности. Сходство форм собственности не должно скрывать различие их содержания (как в случае с частной собственностью феодала и частной собственностью капиталиста).

Последний тезис особенно важен, так как экономисты-теоретики во многих случаях пользуются терминами «частная собственность» и «общественная собственность», вкладывая в них весьма неопределенный смысл, ассоциирующий первое с любым частным предпринимателем, а второе – с государственной фирмой. Между тем «частная собственность», равно как и «общественная собственность» имеют качественно различное конкретное историческое содержание, различное, как мы уже отметили, в различных социально-экономических системах (Колганов, 2017).

Наконец, важной теоретической проблемой является *определение субъекта и объекта отношения собственности*. В рамках марксистской политико-экономической теории они определяются через социально-экономическое содержание отношений собственности. Субъектом собственности в марксизме является не физическое и не юридическое лицо, а исторически конкретный социально-экономический субъект (формулировка прошлого и позапрошлого веков) или, как сейчас принято говорить, актор, у которого экономической системой сформированы определенные социально-экономические интересы, определяющие ценности и мотивы поведения и действий. В буржуазной системе ключевым актором был и остается капиталист, какие бы физические или юридические лица или группы лиц за этим ни скрывались. Это может быть как индивид (от собственника магазинчика с несколькими наемными работниками до миллиардера, контролирующего изрядную часть национального богатства мира), так и аморфно-размытая сеть, что особенно типично для сферы финансов. В любом слу-

чае, в условиях капитализма этот актор будет вести себя как капиталист (с теми или иными особенностями, разумеется: в России XXI в. это будут элементы позднего феодализма, в Норвегии XXI в. – элементы социализации). Эта «старая» политэкономическая постановка проблемы получила неожиданное второе – и весьма своеобычное – рождение в работах Г.Б. Клейнера (Клейнер, 2018), справедливо указавшего на трансформацию субъекта собственности, которым перестает быть физическое лицо и становятся социально-экономические системы, причем «генеральным актором» (на языке политэкономии – субъектом основного производственного отношения) могут быть и физические лица, и консолидированные группы собственников активов, и государство и т.п. (Клейнер, 2017).

Объект собственности – также социально-экономический феномен, а не просто физический объект. Объект собственности – не вещь, а ее социально-экономическая форма – товар, капитал, общественные фонды, феод, «родовые». Заметим, что и политэкономический подход во многом корреспондирует с постановкой вопроса Г.Б. Клейнером, который оную политэкономию корректно, но твердо объявляет устаревшей (Клейнер, 2018). Этот (и современной классической политэкономии, и во многом Г.Б. Клейнера) подход выглядит отлично от того, что принято в праве. Но, во-первых, политэкономия исследует не юридическую форму, а социально-экономическое содержание. Во-вторых, в Гражданском кодексе РФ «*вещь*» определяется в конечном итоге как все, что продают и покупают, то, что имеет цену, а не через ее физические свойства, т.е. (используем язык «*Капитала*») как стоимость товара, а не потребительная стоимость предмета.

В этой связи важно поставить анонсированный выше вопрос о неосязаемом имуществе (определяемом тоже как «вещь»), к которому в рамках современного права относится весьма широкий круг феноменов, включая «неосязаемое движимое имущество, такое, как гудвилл, разнообразные законные права или инструменты, такие, как патенты, товарные знаки, авторские права, франшизы и контракты»[4]. Рассматривая проблему с точки зрения *содержания* отношений собственности, следует подчеркнуть ряд принципиально важных моментов, хорошо высвечивающих специфику политэкономического подхода. Объектом частной собственности в данном случае является либо результат функционирования капитала как такового (вне процесса производства), например гудвилл или дериватив; либо продукт творческой деятельности. В последнем случае это благо, неограниченное по своим «физическим» свойствам (потенциально общественное), но превращенное в частное посредством социально-экономического отношения (частного присвоения) и юридической формы (патентования продукта своего или чужого – в случае использования наемного креативного работника – труда). На этом примере очень хорошо видно различие между «физическими свойствами» результата творчества (благо, которое можно бесконечно раздавать, не теряя, бесконечному числу потребителей) и его социально-экономическим содержанием (отчуждение от возможностей безграничного общественного использования и присвоение частным лицом, причем в большинстве случаев – фармакология, программное обеспечение и др. – его не создавшим). Именно это содержание и фиксирует та или иная форма частной интеллектуальной собственности. (В скобках заметим:

[4] См.: МСО-2000: Международные стандарты оценки, ст. 3.18.1. URL: https://dokipedia.ru/document/1719622?pid=93. Следует также отметить, что неосязаемым активом могут становиться «*собственность или право на пользование активом*» (Там же). Кроме того, международные стандарты предусматривают, что «некоторые неосязаемые активы, такие, как гудвилл, и интеллектуальная собственность, возникают или создаются с течением времени, а не посредством приобретения по измеримой цене» (МСО-2000: Международные стандарты оценки, ст. 3.18.5-б. URL: https://dokipedia.ru/document/1719622?pid=93).

в современных условиях существует и иной вариант общественного признания творческой деятельности – передача ее результатов в открытый доступ при финансировании производства за счет государства, общественных фондов, краудфандинга (Brabham, 2013) и др. В этом случае отношение собственности в его традиционном смысле «отмирает» ибо снимаются отношения отчуждения (Бодрунов, 2018, с. 172–174).)

Как заметил читатель, тема неосязаемого богатства вплотную подвела нас к вопросу о специфике отношений собственности в условиях позднего капитализма.

2. СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Анонсированная тема подробно раскрыта в работе (Бузгалин, Колганов, 2019b), поэтому в данном тексте мы оставим в стороне исторические и сугубо теоретические аспекты и обратим внимание лишь на то, как предлагаемый нами современный марксистский подход позволяет выявить ряд весьма важных характеристик этой системы. Так, в современной экономике, которую неоклассика называет рыночной, а марксисты еще в конце XX в. квалифицировали как *поздний капитализм* (Mandel, 1975; Jameson, 1991), существует сложная система противоречий в социально-экономическом содержании отношений собственности и в их экономико-волевых формах.

Первые связаны с тем, что поздний капитализм предполагает развитие внутри системы отношений частно-капиталистического присвоения ростков нового общества (назовем его в данном тексте нейтрально-посткапиталистическим (Mason, 2015)). В результате экономики «ядра» мир-системы позднего капитализма в бóльшей мере, экономики стран полупериферии (например, России) – в меньшей мере, но включают элементы социализации отношений присвоения и частичного снятия капиталистических и добуржуазных отношений отчуждения (О.О. Комолов нечто сходное назвал «социоальтерацией» (Комолов, 2016)), элементы разотчуждения (Булавка-Бузгалина, 2018). Примеры переходных отношений, включающих элементы такого социализированного присвоения, хорошо известны. Это частично или полностью бесплатные для пользователя здравоохранение и образование, прогрессивный подоходный налог, посредством которого происходит присвоение части прибыли, получаемой собственниками капитала, наемными работниками и другими членами общества, и др.

Соответственно, складываются и *основные экономико-волевые формы собственности, типичные для позднего капитализма*. Пример их систематизации на основе простейшего критерия – меры социализации – представлен на рис. 1.

Прежде чем комментировать представленные на рис. 1 экономико-волевые формы, подчеркнем: они являются теоретической абстракцией и лишь отчасти совпадают с той или иной конкретной системой правовых форм, принятых в той или иной стране в тот или иной период времени. Но для нас эта схема важна, так как показывает, как *возрастает мера социализации собственности по мере изменения лежащих в ее основе производственных отношений капитализма*, в которых во все большей степени начинают развиваться отношения ассоциированного присвоения и сниматься отношения рыночно-капиталистического отчуждения.

К числу форм собственности, в наибольшей степени адекватных частно-капиталистическому содержанию отношений присвоения и не содержащих отношений ассоциированного присвоения, относится частная собственность как отношение, в котором участвуют, с одной стороны, конкретное физическое лицо, являющееся собственником средств производства (капитала), а с другой – наемные работники, являющиеся собственниками товара «рабочая сила» и не владеющие

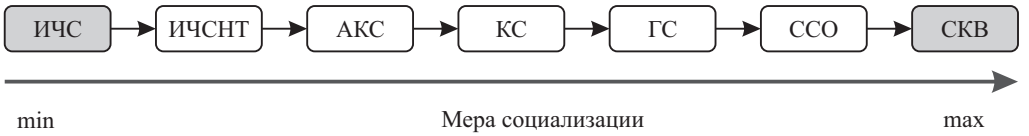

Рис. 1. Основные формы собственности позднего капитализма (политико-экономическая модель):
ИЧС – индивидуальная частная собственность; ИЧСНТ – индивидуальная частная капиталистическая собственность, основанная на наемном труде; АКС – акционерная капиталистическая собственность; КС – кооперативная и коллективная собственность; ГС – государственная собственность; СОО – собственность общественных организаций; СКВ – собственность каждого на все или режим свободного доступа к общественным благам

средствами производства. Эта теоретическая модель в настоящее время в большинстве случаев отражает не столько господствующие отношения в странах «ядра», сколько отношения в рамках так называемого малого бизнеса. Последнее важно, ибо до сих пор встречается отождествление малого бизнеса с семейным и индивидуальным предпринимательством, не использующим наемный труд. В реальности же в большинстве случаев в сегодняшней экономике, особенно в странах периферии, это не так: малый бизнес в большинстве случаев – это частный собственник капитала (физическое лицо), использующий несколько десятков наемных работников. Впрочем, в настоящее время возрождается и система отношений собственности, в которых работник и собственник – одно лицо, но возрождается в новом качестве – активности фрилансеров, использующих в качестве главной собственности свой человеческий капитал. Но об этом – ниже.

Первым шагом на пути социализации частной собственности, отмеченным еще Марксом, стал столетия назад и остается *акционерный капитал*, в котором возникают элементы общественного присвоения прибавочной стоимости тысячами и сотнями тысяч миноритарных акционеров, к которым переходит и некоторый (весьма ограниченный!) ряд прав собственности. Но в акционерном капитале эти элементы общественного присвоения используются мажоритарными акционерами для интенсификации воспроизводства своего капитала (возможности подчинять себе массы труда и других ресурсов акционерного общества и тех акторов, которыми оно манипулирует, намного превосходящие потенциал индивидуальной собственности мажоритарного акционера). В этой – акционерной – форме капитала проявляется общая закономерность позднего капитализма: ростки посткапиталистических отношений одновременно и подрывают основы капитала, и позволяют ему интенсифицировать свое господство. Эта тема подробно раскрыта, например, в работе (Бузгалин, 2018).

В *кооперативах и коллективных предприятиях работников* делается еще один шаг к ассоциированному присвоению, но по отношению к другим акторам рыночно-капиталистической экономики они выступают как обособленные частные собственники, что вступает в противоречие с отношениями коллективного присвоения в рамках коллективного предприятия и создает немалые трудности в его функционировании (Колганов, 1994; Коллективные формы хозяйствования…, 2017; Хабибуллин, 2018).

Государственная собственность соединяет в себе элементы 1) ассоциированного присвоения благ в интересах всех членов общества (например, использование сырьевой ренты в Норвегии для создания систем высококачественного общедоступного здравоохранения, образования и др.) с 2) присвоением их в интересах контролирующего государственную власть крупного капитала (примером мо-

жет служить спасение за счет средств налогоплательщиков обанкротившихся финансовых корпораций во время мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.) и 3) присвоением части общественного достояния государственной бюрократией в своих интересах.

Анализу противоречий государственной собственности были посвящены публикации А.В. Бузгалина и А.И. Колганова (Бузгалин, 2019; Колганов, 2019), а также авторов, пишущих о коммерциализации и бюрократизации общественного сектора в условиях неолиберализма (Яковлева, 2018), поэтому здесь мы не будем останавливаться на их рассмотрении и продолжим анализ форм, представленных на рис. 1.

Собственность общественных (некоммерческих негосударственных) организаций в случае, если она строится как модель открытой добровольной работающей ассоциации, в принципе является одним из наиболее близких к оптимальной модели социализированного присвоения примеров, существующих в условиях позднего капитализма, ибо создает потенциально равные возможности доступа к объектам собственности для всех членов такой открытой организации. Безусловно, в системе отношений позднего капитализма, где господствуют тотальный рынок и бюрократия, и НПО, и НКО в определенной мере подвержены коммерциализации и бюрократизации, «очастниванию», но это элементы отчуждения, т.е. деформация в основе своей ассоциированных отношений, а не наоборот – некоторая социализация в принципе отчужденных отношений – как и в большинстве других институтов позднего капитализма.

Однако в полной мере ассоциированным является присвоение благ в режиме «*собственность каждого на все*», примером чего являются все формы бесплатного доступа к информации, благам культуры, природы и т.п. (к этой теме мы вернемся в заключение статьи).

Наконец, следует подчеркнуть, что представленная в виде линии схема экономико-волевых форм отношений собственности позднего капитализма (рис. 1) в более адекватной форме должна была бы представлять собой спираль, поскольку знаменитый вывод I тома «*Капитала*» Маркса о восстановлении индивидуальной собственности в результате экспроприации экспроприаторов (Маркс, 1960) только в настоящее время обретает зримое воплощение, причем двоякое.

Рис. 2. Собственность каждого на все как результат «отрицания отрицания» – частной собственности: ИЧСР – индивидуальная частная собственность работника; ЭксИЧСР – экспроприация индивидуальной частной собственности работника; СКВ – собственность каждого на все или режим свободного доступа к общественным благам

Один из путей этого отрицания «отрицания отрицания» связан с формированием отношений собственности каждого на все как отношений всеобщего равного свободного ассоциированного присвоения – отношений, качественно отличных от отношений частной собственности. Именно так, без ограничений, вы пользуетесь всеми бесплатными ресурсами Интернета и другими общедоступными (общественными) благами (рис. 2).

Второй путь – частичное снятие (отрицание и сохранение) отношений частной собственности работника – путь формирования собственности индивида на свой собственный «человеческий капитал». В этом случае (обозначим такого работника-собственника как фрилансера, оговорившись, что не все фрилансеры обладают человеческим капиталом и не все собственники этого капитала являются фрилансерами) сохраняются основные атрибуты частной собственности. Среди таких свойств – обособленное присвоение в частных интересах собственника при отчуждении блага от всех остальных. Но есть и отличия от частной собственности на средства производства фермера или владельца автомастерской. Это отличие связано с тем, что фрилансер обладает собственностью на свой собственный творческий потенциал, т.е. принципиально неотчуждаемый ресурс (рис. 3).

Рис. 3. Собственность индивида на свой «человеческий капитал» как результат частичного снятия отношений частной собственности работника:
ИЧСР – индивидуальная частная собственность работника; ЭксИЧСР – экспроприация индивидуальной частной собственности работника;
ИСЧК – индивидуальная собственность на свой «человеческий капитал»

Причина этого – в том, что «человеческий капитал» качественно отличен от физического и денежного, он неразделимо сращен с его носителем, неотчуждаем от него (за исключением случая, когда креативный работник продает себя вместе со своим креативным потенциалом в собственность капиталисту, превращаясь в крепостного XXI в. (Бузгалин и Колганов, 2019а)).

Продолжим, что *большинство реальных отношений собственности в современной экономике является комбинацией названных форм*. Результат этого – система прав собственности, представляющая собой противоречивое соединение правомочий, характерных для разных по содержанию и по форме отношений собственности. Так, в экономике в большинстве стран ЕС в настоящее время ряд прав собственности даже в частной корпорации принадлежит не акционерам, а государству; часть – менеджерам; некоторые права – коллективу работников, причем даже в случае, если они не владеют акциями. То же касается общественной собственности, где существуют проблемы меры (де)централизации и демократизации распределения прав собственности между различными институтами, представляющими общество-собственника; проблемы делегирования прав народа чиновникам разного уровня и меры (форм, методов) их ответственности перед гражданами и т.п.

Сказанное выше касалось проблемы распределения прав собственности внутри одного экономического актора (корпорации, государства). Но есть и другая сторона проблемы распределения прав собственности – *взаимодействие разных собственников*, осуществляющееся в рамках определенной социально-экономической системы.

Если проблема сводится исключительно к рыночным отношениям, то здесь в полной мере применим инструментарий новой институциональной теории, которая вполне обоснованно акцентирует проблемы спецификации и защиты прав собственности и поставила вопрос о трансакционных издержках, сопровождающих обмен прав собственности. Более того, в рамках этого направления был правомерно зафиксирован характерный для позднего капитализма феномен неравноправия различных акторов при обмене правами собственности (так называемая «неравная переговорная сила»). Социально-экономическое содержание этого феномена, проявляющегося, в частности, в способности крупного корпоративного капитала манипулировать другими акторами рынка и навязывать им свои условия взаимодействия, было раскрыто, однако, полнее в рамках классического институционализма (Гэлбрейт, 1969) и марксизма (Бузгалин, 2018).

Возвращаясь к вкладу нового институционализма в исследование феномена «*собственность*», укажем на то, что в рамках этой теории достаточно подробно раскрыт и хорошо известный практике феномен *неформального регулирования отношений обмена правами собственности*.

3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ: ПРАКТИЧЕСКИ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Как мы заметили в начале статьи, бóльшая часть экономистов-теоретиков принимает систему отношений собственности, основанную на частном присвоении, как очевидную и неизменную предпосылку своих исследований. Но стоит только нам задать

вопрос: а *происходят ли в разных подсистемах мировой экономики изменения отношений и прав собственности?* – Позитивный ответ на этот вопрос окажется едва ли не очевидным. Причем заметим: речь идет не о переходе тех или иных объектов или прав собственности от одного частного лица к другому. Нет, речь идет о трансформациях *системы отношений собственности*, их содержания, структуры и т.п.

Достаточно вспомнить основные вехи экономической истории последнего столетия и принять во внимание, что объектом теоретико-экономического исследования являются не только США и Западная Европа, чтобы перед глазами читателя встали массовые примеры как революционных, так и менее глубоких, носящих характер реформ изменений в системах отношений собственности. Так, XX в. даже в странах «ядра» ознаменовался глубокими реформами в отношениях присвоения и отчуждения. К 1960–1970-м годам ассоциированное присвоение стало правилом для значительной части образования и здравоохранения, ряда сфер инфраструктуры и т.п. Возросло участие наемных работников и других *не*капиталистических слоев населения в собственности корпораций, быстро рос и растет сектор НКО и НПО, социализировались отношения между наемным трудом и капиталом (ряд прав собственности был передан представителям трудовых коллективов), распространялись практики передачи акций работникам предприятий (планы ESOP (Колганов, 1994)) – перечень можно продолжить. С конца XX в. начался обратный процесс – медленная нелинейная десоциализация и приватизация (Kotz, 2015).

Но это относительно стабильные экономики «ядра». Остальной мир был свидетелем гораздо более глубоких изменений. Примерно треть бывших колониальных стран с 1950–1960-х гг. начинает при поддержке СССР активный процесс национализации и создания государственных предприятий. После распада мировой социалистической системы разворачивается обратный процесс – широкомасштабная приватизация. Китай переживает периоды тотального революционного огосударствления, сменяющиеся эволюционным разгосударствлением, а в последние несколько лет – новой волной активной поддержки общественного сектора. История России последнего столетия не нуждается в комментариях: от всеобщей национализации к [контр] революционной приватизации, а в последние годы – к росту участия государства в распределении прав собственности даже в рамках частного сектора. Абстракция неизменной системы отношений собственности, остающейся всегда и везде в основе своей частной, требует системного уточнения (по меньшей мере).

Такой – *историко-динамический, рассматривающий все и вся как изменяющееся, прогрессирующее и (или) регрессирующее – подход к исследованию отношений собственности* ставит ряд важных проблем и перед теорией, и перед практикой.

Начнем с теории и поставим проблему критерия прогрессивности/регрессивности тех или иных отношений присвоения/отчуждения. Подчеркнем первичность содержания, а не формы: *традиционную дискуссию о сравнительной экономической (читай – коммерческой) эффективности государственной и частной форм собственности мы переформатируем в вопрос о прогрессивности более или менее социализированных отношений присвоения/отчуждения*.

Здесь важны, как минимум, два аспекта.

Первый – *отказ от сравнения форм и переход к компаративному анализу содержания отношений присвоения/отчуждения*. Причина нами уже была раскрыта: одна и та же форма собственности (например, государственная) может скрывать разное содержание. Это может быть и отчуждение общенародных ресурсов государственным аппаратом при помощи внеэкономического принуждения, и способ косвенной поддержки частного бизнеса (например, при выкупе по высокой цене неэффективного бизнеса), и система присвоения, обеспечивающая общедоступность ресурсов развития (бесплатное для пользователя образование) и др.

Второй аспект – смена вопроса об *эффективности* формы собственности (при, намеренно повторим, сведении эффективности в большинстве случаев к прибыльности) вопросом о *мере прогрессивности отношений* присвоения/отчуждения.

Различие принципиально, поскольку дело в том, что целью формирования отношений ассоциированного присвоения является не увеличение коммерческой эффективности, а создание условий для прогресса человеческих качеств и гармоничного развития общества в диалоге с природой. Значительная часть результатов функционирования объектов собственности в этих сферах не имеет и не должна иметь стоимостной оценки. Да и там, где такая оценка возможна, она имеет гораздо более сложный вид, чем традиционные стоимостные показатели, – будь то норма прибыли или доля сектора в ВВП (последнее – часть более общей проблемы – отхода от принятых в настоящее время стоимостных измерителей развития).

Не менее важный теоретический вопрос, прямо связанный с вполне определенными выводами в области практики, – выделение *взаимосвязи определенных отношений присвоения/отчуждения и экономико-волевых форм собственности, с одной стороны, с развитием того, что в марксизме называют производительными силами, с другой.* Уточним: категория «*производительные силы*» предполагает акцент на человеке как главной производительной силе и содержании его труда (ручной или индустриальный, репродуктивный или творческий), а не только на изменении технологий. Иными словами, мы беремся утверждать, что *система отношений собственности находится в значимой зависимости от уровня развития труда, его содержания*.

Эта связь неоднозначна. Отношения собственности (особенно их формы) могут отставать от прогресса производительных сил, могут опережать их, но глубинная связь существует. Глубокие технологические сдвиги, переход от ручного труда к индустриальному и, далее, к творческому в конечном итоге раньше или позже существенно трансформируют содержание и формы собственности. И обратно: те или иные отношения присвоения/отчуждения могут тормозить или ускорять прогресс технологий и способствовать или нет прогрессу содержания труда, прогрессу – в конечном итоге – качеств человека как главной производительной силы всякого общества. Наиболее яркий пример – креативная революция, протекающая на наших с вами глазах и создающая предпосылки для «умного» безлюдного производства, по отношению к которому человек выступает, в соответствии со сделанным 150 лет назад предвидением Маркса, как «контролер и регулировщик» (Маркс, 1969, с. 208)[5].

Выделим только один аспект: прогресс креативной деятельности даже в условиях позднего капитализма приводит к тому, что в тех сферах общественного производства, для которых характерно массовое распространение творческого по содержанию труда (образование, здравоохранение, наука и т.п.), отношения ассоциированного присвоения (в частности, общедоступность этих сфер) распространятся шире, чем в сферах, где господствует преимущественно репродуктивный индустриальный или ручной труд (массовое материальное производство, торговля и т.п.). Кажущиеся исключения – шоу-бизнес, менеджмент, маркетинг, финансовые операции и т.п. – лишь подтверждают это правило, поскольку являются по преимуществу сферами создания симулятивных благ, предназначенных для потребления и/или продажи, а не феноменов сотворчества, предназначенных для распредмечивания в процессе сотворчества (Бузгалин, 2018). В еще большей степени тренд создания креативными работниками симулятивных благ проявляется в финансовой сфере, где процесс финансиализации (Мавродес, 2019; Сифакис-Капитанакис, 2019; Файн, 2019) ведет к перераспределению креативного потенциала в пользу сфер, по преимуществу не содействующих прогрессу.

[5] Подробнее см. (Бодрунов, 2019).

Соответственно, создаваемый креативной деятельностью результат – это, как мы показали выше, неограниченное по своей природе *культурное благо*, которое может неограниченно, свободно распространяться среди всех с минимальными, стремящимися к нулю издержками копирования. Так возникает материальная база для распространения *всеобщей* (термин Маркса) *собственности*, которая является одновременно и абсолютно индивидуальной, и всеобщей, поскольку это собственность каждого на все. Принцип развития этих отношений выражен в известном лозунге, сформулированном рядом социальных движений и сетей: «Все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться».

Естественно, отношения частного присвоения (и отчуждения благ от создателя, если им является *наемный креативный работник*), характерные для рыночно-капиталистической системы, «надевают» на неограниченные по своей природе блага социально-экономическую форму интеллектуальной частной собственности. Так складывается одно из основных противостояний в сфере отношений собственности, характерное для позднего капитализма и имеющее глобальный характер: хорошо известно, что монополия на интеллектуальную частную собственность, на высокотехнологичное производство является одной из главных предпосылок получения странами «ядра» империалистической ренты (Amin, 2003) со стран периферии. Сходный акцент делает и Дэвид Харви, показывающий, что для современной мировой экономики характерно присвоение через лишение владения (дословный перевод с английского «appropriation through dispossession» (Harvey, 2004)). Преодоление этой монополии и безвозмездное присвоение новых технологий (в частности, путем бесплатного копирования) могут себе позволить только достаточно мощные в геополитэкономическом отношении страны для того, чтобы не бояться волевых и (или) экономических санкций со стороны экономик «ядра».

Впрочем, это только один из аспектов практического преломления проблемы взаимодействия технологического прогресса и динамики отношений присвоения/отчуждения.

При прочих равных условиях мы можем выделить следующую линию оптимальной (подчеркнем, далеко не всегда реализуемой на практике) взаимосвязи между прогрессом технологий и изменением отношений присвоения/отчуждения в рамках рыночно-капиталистической системы (рис. 4).

Названные теоретические аспекты обусловливают ряд важных *практических следствий*, предполагающих внесение вопросов о мере социализации отношений присвоения как более важных, нежели формальные вопросы национализации или приватизации, в повестку дня дискуссий по вопросам социально-экономической политики. Переход

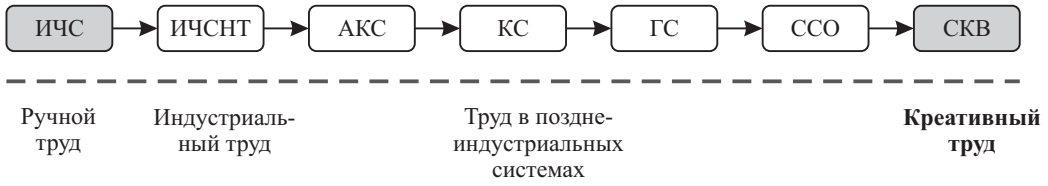

Рис. 4. Оптимальная взаимосвязь между прогрессом технологий (содержанием труда) и изменением отношений присвоения/отчуждения в рамках рыночно-капиталистической системы: тип отношений присвоения-отчуждения – ИЧС – индивидуальная частная собственность; ИЧСНТ – индивидуальная частная капиталистическая собственность, основанная на наемном труде; АКС – акционерная капиталистическая собственность; КС – кооперативная и коллективная собственность; ГС – государственная собственность; СОО – собственность общественных организаций; СКВ – собственность каждого на все или режим свободного доступа к общественным благам

к вопросам экономической политики обусловит и более широкое использование категорий институционализма, ибо нам придется вести речь о том, какие экономико-*правовые* действия необходимо предпринять с тем, чтобы изменить социально-экономические отношения. К числу таких *сугубо актуальных и остро дискуссионных вопросов экономической политики*, требующих в том числе действий, имеющих правовую форму, относятся, в частности, следующие:

- мера реальной общедоступности таких благ, как образование, здравоохранение, спорт, искусство (хорошо известно, что образование может быть платным в государственном вузе и бесплатным – в частном);
- распределение прав собственности как в государственных, так и в частных корпорациях между акционерами, работниками и государством;
- использование рентных доходов от общенациональных сырьевых и интеллектуальных ресурсов исключительно в интересах собственника, т.е. на реализацию общенародных интересов;
- соотношение частной интеллектуальной собственности и собственности каждого на все в главных сферах развития знание-интенсивной экономики.
- роль институтов гражданского общества в контроле за движением объектов и прав собственности, мерой прозрачности, демократизма и подконтрольности институтам гражданского общества акторов, на практике реализующих права собственности (государственного аппарата и бизнеса);
- мера прозрачности трансакций, связанных со спецификацией и сменой прав собственности.

Суммировав сказанное выше, мы получим несколько иную, чем принятая ныне, акцентировку вопросов, которые требуют решения в рамках темы «наиболее актуальные проблемы исследования отношений собственности».

Таким образом, мы можем сделать достаточно очевидный, но от этого не менее важный вывод: *социально-экономическая политика государства может и должна в определенной мере изменять систему отношений собственности, ориентируясь не столько на вопросы рыночной эффективности форм собственности, сколько на такой критерий, как мера прогрессивности тех или иных отношений присвоения*.

Это касается в первую очередь изменения содержания и структуры отношений собственности, в частности *меры социализации*. Повышение последней предполагает прогресс отношений общественного распоряжения, присвоения и использования объектов собственности, все большей концентрации прав собственности в руках общественных институтов. Примерами этого могут быть как общеизвестные процессы (расширение общественного сектора, в первую очередь в таких сферах, как здравоохранение, образование и т.д.), так и мало акцентируемые процессы (расширение прав собственности на частные объекты, находящихся в руках государства и работников; создание более благоприятных условий для общественных форм собственности, прогресс общественного контроля за частными акторами и т.п.).

Решение этих вопросов важно не только с социально-политической, но и с узко-экономической точки зрения, ибо качество системы отношений собственности серьезно воздействует на результаты функционирования и развитие экономической системы. А упрощенное понимание системы отношений собственности приводит к большим проблемам в принятии решений на всех уровнях.

P.S. QUI PRODEST: СОБСТВЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Наш политико-экономический обзор проблемы собственности будет незавершенным, если мы хотя бы в качестве постскрип-

тума не укажем на то, что на содержание и формы отношений собственности большую специфику накладывают цивилизационные и национальные особенности.

В марксизме в данном случае делают несколько иной акцент, указывая, что *на отношения собственности оказывают обратное влияние политические формы и идеология, а также культура и религия*. Особенно это касается такой формы, как государственная собственность, содержание которой и, в частности, мера ее отчуждения от общества и подчинения ее функционирования интересам экономически господствующей социальной силы (в современных условиях – корпоративного капитала) и (или) государственного аппарата, очень сильно зависит от типа политической системы, и прежде всего, меры ее действительного, а не формального демократизма.

Более того, для практически всех существующих экономических систем ключевым вопросом, отражающим основное содержание отношений собственности, является вопрос о том, *какому социально-экономическому слою принадлежит определяющая часть богатства в этой системе* и, как следствие, *в чьих руках находятся определяющие каналы экономико-политической власти*. Ответ на эти вопросы во многом предопределяет и решение проблемы, в чьих интересах проводятся те или иные шаги в деле изменения в распределении объектов и прав собственности в данной системе, будь то корпорация (частная ли, государственная ли) или национальная экономическая система в целом. Этот вопрос – Qui prodest? (Кому выгодно?) – советовали ставить в центр анализа еще древние римляне. Он является основным и при применении политико-экономического подхода к анализу отношений собственности, их состояния и динамики.

Таковы важнейшие аспекты марксистского политико-экономического исследования собственности и использования результатов этого исследования для постановки и решения вопросов экономической политики.

Список литературы / References

Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте. [Bodrunov S.D. (2016). Forthcoming. New Industrial Society: Reloading. 2nd corr. & extend. Ed. Saint Petersburg, INIR named after S.Yu. Witte (in Russian).]

Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. [Bodrunov S.D. (2018). Noonomy. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya (in Russian).]

Бодрунов С.Д. (2019). Государство и революция // Экономическое возрождение России. № 1. С. 9–16. [Bodrunov S.D. (2019). The state and revolution. *Economic Revival of Russia*, no. 1, pp. 9–16 (in Russian).]

Бузгалин А.В. (2018). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. № 2. С. 10–38. [Buzgalin A.V. (2018). Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Questions of Political Economy*, no. 2, pp. 10–38 (in Russian).]

Бузгалин А.В. (2019). Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. № 3. С. 7–18. [Buzgalin A.V. (2019). State in the economy of the XXI century: Political economy interpretation. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (86), pp. 7–18 (in Russian).] DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-7-18

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019а). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18–28. [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019). Social structure transformation of late capitalism: From proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class? *Sociological Studies (Socis)*, no. 1, pp. 18–28 (in Russian).]

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019b). Глобальный капитал: в 2 т. 5-е изд. М.: ЛЕНАНД. [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019b) Global Capital. In 2 vols. 5th ed. Moscow, LENAND (in Russian).]

Булавка-Бузгалина Л.А. (2018). Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. № 6. С. 202–214. [Bulavka-Buzgalina L.A. (2018). Disalienation: From philosophical abstraction to sociocultural practices. *Voprosy Filosofii*, no. 6, pp. 202–214 (in Russian).]

Гэлбрейт Дж. (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс. [Galbraith J.K. (1969). The new industrial state. Moscow, Progress (in Russian).]

Ильенков Э.В. (1997). Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН. [Ilyenkov E.V. (1997). Dialectics of the abstract and concrete in scientific-theoretical thinking. Moscow, ROSSPAN (in Russian).]

Клейнер Г.Б. (2017). От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. № 8. С. 56–74. [Kleiner G. (2017). From the economy of individuals to systemic economy. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 56–74 (in Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-8-56-74

Клейнер Г.Б. (2018). Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) // Вопросы экономики. № 8. С. 118–127. [Kleiner G.B. (2018). Three questions to political economy (An attempt of system introspection). *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 118–127 (in Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-8-118-127

Колганов А.И. (2017). К критике концепции «власти-собственности» // Вопросы экономики. № 7. С. 79–95. [Kolganov A. (2017). To the critique of the “power-property” concept. *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 79–95 (in Russian).]

Колганов А.И. (1993). Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия. [Kolganov A.I. (1993). Collective ownership and collective entrepreneurship. Moscow, Economic Democracy (in Russian).]

Колганов А.И. (2019). Будущее государства в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Экономическая наука современной России. № 3. С. 18–29. [Kolganov A.I. (2019). The future of state in the economy: Russian discussions and their international context. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (86), pp. 18–29 (in Russian).] DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-18-29

Коллективные формы хозяйствования в современной экономике (2017) / под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Научная библиотека. [Collective forms of economic management in modern economy (2017). Ed. by G.B. Kleiner. Moscow, Scientific Library (in Russian).]

Комолов О.О. (2016). Социоальтерация как категория современной политической экономии // Вопросы политической экономии. № 3. С. 97–107. [Komolov O.O. (2016). Socio-alteration as a Notion of the Modern Political Economy. *Questions of Political Economy*, no. 3, pp. 97–107 (in Russian).]

Курс политической экономии (1974): в 2 т. / под ред. Н.А. Цаголова. Изд 3-е, перераб. и доп. Т. 2. М.: Экономика. [The course of political economy (1974). In 2 vols. Ed. by N.A. Tsagolov. 3rd ed., corr. & add. T. 2. Moscow, Ekonomika (in Russian).]

Мавродес С. (2019). Гипотеза финансиализации в марксизме: шаг вперед или ложный путь? // Вопросы политической экономии. № 1. С. 68–81. [Mavrodeas S. (2019) Financialization Hypothesis: A Creative Contribution or a Theoretical Blind Alley? *Questions of Political Economy*, no. 1, pp. 68–81 (in Russian).]

Маркс К. (1960). Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Госполитиздат. [Marx K. (1960) Capital. Vol. I. In: Marx K., Engels F. Collected Works. 2nd ed., vol. 23. Moscow, Gospolitizdat (in Russian).]

Маркс К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. М.: Госполитиздат. [Marx K. (1969) Economic Manuscripts of 1857–1859. In: Marx K., Engels F. Collected Works. 2nd ed. Vol. 46. Part II. Moscow, Gospolitizdat (in Russian).]

Олейник А.Н. (2001). Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. № 5. С. 4–25.

[Oleynik A. (2001). Business by the code: the institutional model of Russian capitalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 4–25 (in Russian).]

Сифакис-Капитанакис К. (2019). Новые акторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // Вопросы политической экономии. № 1. С. 82–93. [Sifakis-Kapetanakis C. (2019). New Factors in Global Finances and the Financialization of Capitalism. *Questions of Political Economy*, no. 1, pp. 82–93 (in Russian).]

Файн Б. (2019). Финансиализация: марксистский взгляд // Вопросы политической экономии. № 1. С. 34–49. [Fine B. (2019) Financialization through Marxist Perspective. *Questions of Political Economy*, no. 1, pp. 34–49 (in Russian).]

Хабибуллин Р.И. (2018). Акционерные общества работников: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Альтернативы. № 1. С. 96–116. [Habibullin R.I. (2018). Joint-stock companies of employees: Current state, problems and prospects of development. *Alternatives*, no. 1, pp. 96–116 (in Russian).]

Шкредов В.П. (1973). Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: МГУ. [Shkredov V.P. (1973). Method of research of property in “Kapital” by K. Marx. Moscow, MGU (in Russian).]

Яковлева Н.Г. (2018). Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. № 3. С. 149–153. [Yakovleva N.G. (2018). Education in Russia: public good or commercial service? *Sociological Studies* (*Socis*), no. 3, pp. 149–153 (in Russian).] https://doi.org/10.7868/S0132162518030182

Amin S. (2003). Obsolescent Capitalism: Contemporary Politics and Global Disorder. London, Zed Books.

Brabham D.C. (2013). Crowdsourcing. Cambridge (MA): MIT Press.

Coase R. (1992). The Institutional Structure of Production (Nobel Prize lecture). *The American Economic Review*, vol. 82, no. 4, pp. 713–719.

Crane A. (2013). Modern slavery as a management practice: exploring the conditions and capabilities for human exploitation. *The Academy of Management Review*, vol. 38, issue 1, pp. 49–69.

Demsetz G. (1997). The Economics of the firm: Seven critical commentaries. Cambridge, Cambridge University Press.

Jameson F. (1991). Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism. Durham, Duke University Press.

Harvey D. (2004). The 'new' imperialism: accumulation by dispossession. *Socialist Register*, vol. 40, pp. 63–87.

Kotz D.M. (2015). The rise and fall of neoliberal capitalism. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press.

Mandel E. (1975). Late capitalism. London, Humanities Press.

Mason P. (2015). Postcapitalism: A guide to our future. London, Allen Lane.

Рукопись поступила в редакцию 04.05.2020 г.

PROPERTY AS AN OBJECT OF THEORETICAL RESEARCH: POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY

A.V. Buzgalin

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-7-24

Alexandr V. Buzgalin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Cambridge University, Cambridge, UK; Hainan Normal University, Haikou, P.R. China; Harbin University, Harbin, P.R. China; conf. buzgalin@mail.ru. ORCID 0000-0003-3923-8385

Acknowledgement. The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University on the topic “Development of the theory of property relations in modern society”.

The article reveals the understanding of property in institutionalism and in classical political economy with an emphasis on the Marxist direction of the latter. It is shown that in

the works of modern authors belonging to the Post-Soviet School of Critical Marxism – one of the main directions of modern theory of classical political economy in Russia – the specific, concrete historical content of property relations is firstly investigated. This content in the framework of this direction, inheriting the tradition of the "Tsagolovskaya" school of political economy, is connected through the system of production relations of a particular society. It is shown that both private and public forms of property have different socio-economic contents in historically different socio-economic systems – pre-bourgeois, bourgeois, post-capitalist. The author proposes political and economic systematization of patterns of property that are characteristic of the modern stage of economic development, which in the article is defined as late capitalism. These forms include not only different types of private and public property, but also transitional forms that contradictory combine private-capitalist and associated forms of appropriation. It is specially emphasized that public property is not reducible to state property and includes a special type of relationship – "ownership by everybody of everything", which is characteristic of the sphere of co-creation. It is shown that in certain types of economy, state ownership can hide relations not only of public, but also of private-capitalist appropriation, as well as non-economic coercion. The contradictions of the transformation of property relations under the conditions of late capitalism and the most relevant practical problems associated with this are revealed.
The article includes a polemic dialogue of the author with representatives of the institutional direction and the works of George B. Kleiner.
Keywords: property, classical political economy, institutionalism, late capitalism, Marxism.
JEL classification: B51, B52, E60, H82, P14, P16, P26.

Manuscript received 04.05.2020

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

Д.А. Жданов

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-25-38

Одним из ключевых факторов, определяющих успех компании, обеспечивающих ее поступательное развитие, адаптацию к требованиям цифровой экономики, является человеческий капитал (ЧК) предприятия. В данной связи цель исследования обозначена как определение способов поддержки целостного и устойчивого роста компании на базе развития ее ЧК. Поскольку предприятие является открытой социально-экономической системой, методологической основой работы стала системная экономическая теория, позволившая представить деятельность компании как взаимодействие объектной, средовой, процессной и проектной систем. На базе данной концепции и с учетом традиционно решаемых компанией задач выделены четыре базовых функциональных комплекса, обеспечивающие устойчивость и воспроизводственные возможности предприятия, определены проблемы, реализуемые в их рамках, установлены требования к знаниям, навыкам и способностям персонала. Сопоставление кадровых ресурсов предприятия с особенностями решаемых с их помощью корпоративных задач позволило по новому сгруппировать элементы ЧК компании – в зависимости от влияния на отмеченные базовые подсистемы, обусловливающие целостность фирмы. Такая систематизация продемонстрировала взаимосвязь отдельных элементов ЧК пред-

© Жданов Д.А., 2020 г.

Жданов Дмитрий Алексеевич, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия; djhdanov@mail.ru. ORCID 0000-0001-9372-2931

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в контексте научного проекта № 19-29-07488.